

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

19 ЯНВ 1979

Всю широту дарования

18 января исполнилось бы 75 лет народному артисту СССР, Герою Социалистического Труда Борису Андреевичу Бабочкину.

Одной из своих последних статей он дал очень характерное для всего его пути, для всей его судьбы название: «Иду на «Грозу»! Он всегда «шел» на какую-то новую для него, еще не раскрытую им пьесу, на новую, еще не сыгранную им и не похожую на сыгранные роль. Он всегда был в движении, в поисках, в дерзаниях.

Бабочкин рано познал счастье и бремя необыкновенного успеха, гениально сыграв роль Чапаева в гениальном фильме братьев Васильевых. С большим удивлением прочитал я в одной недавней статье, что этот фильм якобы уже не волнует современную молодежь, что ее привлекают совсем другие сюжеты и другие художественные формы. По моим наблюдениям для такого вывода нет ни малейших оснований. И я не могу забыть о том, с каким неослабевающим интересом смотрели фильм о герое гражданской войны на фронтах Великой Отечественной, хотя эта война была уже иной и люди были иными. Есть произведения, которые продолжают жить, не старея и оставляя позади себя множество сверхноваторских и сверхмодных «временок». Но в судьбе самого Бабочкина образ Чапаева сыграл двоякую роль. С одной стороны, он принес ему истинные планетарную славу, а с другой... Нет, дело не в том, что успех вскружил голову молодому артисту, — этого с ним никогда не случалось. Дело совсем в другом: воплощенный им образ народного героя так вошел в души многих людей, что заслонил для некоторых из них замечательно сыгранные артистом в театре, кино и на телевидении другие роли и помешал сразу оценить по достоинству всю широту его дарования, все многообразие его творческих возможностей и свершений.

А между тем трудно определить, какие персонажи, характеры, типы более соответствовали его актерской индивидуальности. В галерее изу-

мительно воссозданных им образов — цельный, отлитый из единого куска металла (что не мешает ему быть живым и человечным) Чапаев и раздвоенный, раздерганный, мечущийся Иванов; романтически окрыленный Влас в «Дачниках» и его антагонист в этой же пьесе — озлобленный обыватель Суслов; склонный к мучительному самоанализу профессор в «Скучной истории» и предельно непосредственный, неотделимый от народной почвы герой «Плотнических рассказов»; воплощение доброты — Сила Ерофеевич в комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» и воплощение зла — Сэм Боулдер в «Бегстве мистера Мак-Кинли» (кажется, этот маленький шедевр — последняя исполненная Бабочкиным роль). А Достигаев, в котором был разгадан человек, осуществляющий маскарад в квадрате, притворно изображающий мимирию приспособленчества, чтобы скрыть свои агрессивные планы? А страшный в своей внешней обаятельности и в своем внутреннем ничтожестве Клаверов в «Тенях»? А поражающая богатством психологических переходов игра в «Браконьерах»?..

Но разве можно перечислить все роли, восхищавшие нас в исполнении Бабочкина? Способность раскрывать индивидуальное своеобразие каждого героя и каждого писателя проявилась и в замечательном искусстве Бабочкина-чтеца. Его пушкинские «монологи» и чтение им прозы Гоголя и Льва Толстого, Шолохова и Фурманова зримо воскрешало совершенно разные художественные миры. Таким же был Бабочкин и как режиссер, отыскивая особый сценический ключ не только к каждому драматургу, но и к каждой пьесе. Им были поставлены три пьесы М. Горького, относящиеся к трем периодам его драматургической деятельности: «Дачники», «Фальшивая монета» и «Достигаев и другие». Как отчетливо выступили в этих постановках те особенности, которые приобретало горьковское творчество на каждом новом этапе! То же самое можно сказать и о подходе Бабочкина к раз-

ным произведениям Островского и Чехова.

Конечно, способность перевоплощения и проникновения в своеобразную сущность каждого произведения была в той или иной мере присуща всему тому поколению актеров и режиссеров, которое создавало советский театр. Однако нельзя утверждать, что об этом необходимейшем качестве реалистического творчества всегда помнят представители молодого театрального поколения. А есть среди них и такие, которые не только стремятся подняться до уровня классики, превращая каждое обращение к ней в труднейший экзамен для себя, а с ошеломляющей легкостью перекраивают ее на свой рост, по своим представлениям и вкусам. Вот почему пример Бабочкина-актера и Бабочкина-режиссера, страстно увлекавшегося классическими образами, но любившего не себя в них, а их в себе, в высшей степени поучителен. Я подчеркиваю: и Бабочкина-режиссера. Судьба некоторых его постановок наводит на мысль, что значение этой стороны его деятельности понято не всеми.

Коснуться этого вопроса меня побуждают соображения, выходящие за пределы частного случая. Наше театральное искусство переживает период вполне (увы!) естественной, но очень трудной смены поколений. В такой период особенно важно сохранять накопленные творческие традиции — бережно сохранять для того, чтобы развивать дальше. А нам есть что беречь и что развивать! Оглядываясь на предшествующую историю советского театрального искусства, мы можем без всякого преувеличения сказать, что ни в одной другой стране и ни в одну эпоху не творило одновременно столько актеров и режиссеров, заслуживших право называться великими.

И среди них свое особое место занял удивительный артист и удивительный человек — Борис Андреевич Бабочкин.

Б. БЯЛИК,
доктор филологических наук, профессор.